

18+

Светлана Файзрахманова

Гимназистки

КНИГА ТРЕТЪЯ. СЕН-ДЕНИ

Светлана Файзрахманова

Гимназистки. Книга третья. Сен-Дени

<https://litres.ru/74156473>

ISBN 9785007029612

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Три подруги внезапно оказываются в коме. Приходят в себя они в 1894 году. Вместо современного Кирова — старинная Вятка. Скоро грянет революция, гражданская война. Но это их новая реальность. Так эта история начинается.

А прямо сейчас они бегут во Францию.

Они ищут колдуна. Но тень Орочена становится всё ближе. Пора уже избавиться от него.

Содержание

Глава 1 В дороге	5
Глава 2 Железные кони	14
Глава 3 Неприятности	24
Глава 4 Тени Парижа	44
Глава 5 Манускрипт	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Гимназистки

Книга третья. Сен-Дени

Светлана Файзрахманова

Иллюстрация обложки ChatGPT

© Светлана Файзрахманова, 2026

ISBN 978-5-0070-2961-2 (т. 3)

ISBN 978-5-0065-6797-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1 В дороге

Поезд отстукивал версту за верстой. До Парижа было чуть ближе, чем до Китая — шутка, конечно, но в этой бесконечной дороге шутки казались единственным спасением от тоски. Наша дружная компания ехала где-то посередине пути, между прошлым, которое осталось в России, и будущим, которое ждало во Франции.

Мы с подругами собрались в купе — мозговой штурм вместо любования пейзажами за окном, планы вместо укачивания детей. Не будем отбирать хлеб у нянюшек.

Наши мужчины, почуяв неладное, втиснулись в тесное пространство моего купе, заполнив его своим присутствием и любопытством. Я недовольно поджала губы — опять лишились возможности пошептаться, обсудить то, что обсуждается только между девочками. Точнее девочками-попаданками.

— Послушайте, — барон Медякин, самый старший и умудрённый, разгладил усы. — Мы считаем, что вы провидицы. Нельзя побывать в коме несколько часов и запомнить всё, что вы видели в будущем. Мы думаем, вы и сейчас что-то такое видите. И Кровавое воскресенье предсказали и то,

что будет дальше. И, думаю, выражу общую мысль: мы на вашей стороне. Вы наши жёны, уж какие достались.

В его голосе не было насмешки — только принятие неизбежного.

— Но мы не в обиде, — вклинился Марк, покосившись на Танюшу. Мало ли, ему ведь ещё с ней спать, жить, детей растить в конце-то концов.

— Ну подумаешь, жена — ведьма. Так вон и у барона Медякина, и у князя Оболенского тоже... кхм... не ангелы.

— Мы хотим участвовать в ваших обсуждениях, — закончил Медякин.

Я вздохнула. Делать нечего. Мы с подругами подвинулись, уступая места нашим мужьям.

Итак, нас ждал Сен-Дени. А то, что мы хотели обсудить на самом деле, придется оставить на потом.

— Чем будем заниматься во Франции? — спросила я. Вопрос волновал всех.

— А буду разводить лошадей, — помечтал Александр. — Рысаки нынче в моде.

— Нет, — сказала я твёрдо, без колебаний. — Скоро грянет гражданская война, и всех лошадей национализировать.

— Что сделают?

— Отберут. В пользу государства, безвозмездно. Это слово, надеюсь, не нужно объяснять?

— Нет, это значит бесплатно.

— Хочешь подарить французам своих лошадок?

Александр скривился, задумался. — Но как же мы будем жить?

Барон усмехнулся. Он первым понял, какое сокровище ему досталось в жёны, Наташа видит наперед, все, что будет.

— Будем содержать парк машин пока, а потом перед войной выгодно распродадим, — предложила я.

— Я не умею ездить на этом «железе».

— Танюша научит.

Пинок под столом был предсказуем. Я потеряла ногу, показала подруге язык.

— Но она сама не умеет ездить! — ужаснулся Марк.

— Кто тебе это сказал? — пошла я ва-банк. Не стала говорить о водительском стаже подруги из другой жизни.

— Таня? — Марк перевёл на жену неверящий взгляд.

— Я умею ездить, да, — сказала Татьяна, глядя мужу в глаза. — Брала уроки.

Марк молчал, обдумывал наверное, какие сюрпризы еще приготовила для него жена.

— Мы займёмся сыском, — объявил барон, переглянувшись с Наташей. — Жена не против. А я без её согласия с некоторых пор не принимаю важных решений.

— Я открою аптекарскую лавку, — сказала Хельга. Пекка молчал — раздумывал как будет ходить с женой и Вацлавом в лес. Они с сыном на охоту, а жена за травами. Катаржину Хельга пока что с собой не брала, девочка водилась с младшим Михелем.

— Я займусь селекцией, — Татьяна многозначительно по-

смотрела на Чарли. Тот понимающе завилял хвостом.

— А у меня есть идеи для новой книги. Ну что, все при деле? — Я оглядела собравшихся. — Расходитесь по купе. Мы с Сашей хотим отдохнуть.

Выгнала толпу из временного обиталища.

Мы остались с мужем вдвоём в в медитативно-качающемся вагоне.

Франция, 1903 год.

Не успели мы обжиться в Сен-Дени — маленьком уютном пригороде Парижа, как на меня обрушилось горе вселенского масштаба. Зуб. Зуб мудрости, атавизм, пережиток прошлого, изводил меня целую неделю. А это не двадцать первый век с его обезболиванием, современными бормашинками и световыми пломбами. Капец.

— А-а-а-а! — вопила я, вцепившись в подлокотники кресла.

— Madame, тише, умоляю! — интеллигентно морщился

месье Дробуа, потрясая перед моим лицом инструментом, напоминающим слесарные пассатижи. — Вы распугаете пациентов.

— Мне страшно!

Доктор двинул пассатижи к моему рту. Никакой современной анестезии, в лучшем случае опий. Хотя... у меня есть Хельга. Зуб вырвать не может, но обезболить — в состоянии.

— Тебе больно? — удивлённо склонилась ко мне травница, анестезиолог и группа поддержки в одном лице. — Странно, я же всё обезболила. Эта травка очень сильная.

— Нет, не больно... пока, — прошептала я, икая от слёз. — Он ведь ещё даже не начал. Я просто вспомнила, как это было...

— Было когда, *madame*? — врач заглянул в рот. — У вас идеальные зубы, ни одного вырванного. Первый раз у дантиста.

Пришлось импровизировать, чтобы не ляпнуть про керамические виниры.

— Было у мамы. Ей долго не удаляли зуб мудрости, он воспалился...

— У мамы? В прошлом веке? — снисходительно улыбнулся Дробуа. — Успокойтесь, сейчас современные технологии, двадцатый век! Всё будет быстро и почти безболезненно.

«Современные технологии...» Я посмотрела на пассатижи, закрыла глаза.

— Ага, давайте, док. Дерите.

Хруст, от которого, казалось, треснула вселенная, разнесся по кабинету. И вот он — многострадальный виновник торжества на льняной салфетке. Хельга победно улыбалась.

Она проводила меня до дома, напоила успокоительным чаем.

— Хуже маленькой, — покачала головой Хельга. — Какой пример ты подаёшь детям.

Я молчала, крыть было нечем.

Тихая жизнь, о которой мечтали, покинув смутную Россию, стала реальностью. Мы сбежали вовремя, пока еще основная волна эмигрантов не накрыла Париж.

Наше убежище в Сен-Дени превратилось в анклав будущего в прошлом. Каждый нашёл свое дело.

«Русское сыскное агентство».

Наталья вела бухгалтерию, сводила дебет с кредитом. Барон искал заказы и налаживал связи с французской полицией. Марк возглавил криминалистическую лабораторию. Александр обеспечивал силовую поддержку. Он же хоть и бывший, но военный.

С транспортом тоже освоился быстро.

Пекка стал сыскарем — отслеживать и вынюхивать было его.

Татьяна открыла питомник для разведения такс. Никто не догадывался, что её лучшие собаки были не совсем собаками. Хельга — открыла лавку трав. Её познания в «народных» рецептах творили чудеса. Я давала жизнь новым произведениям от имени Софи Руссо.

Дети росли в уникальной атмосфере, впитывая культуру Belle Époque и наши, инородные для этого времени знания.

Эрик, сын Татьяны, играл с фамильяром Джери, понимавшим его с полуслова, умевшим становиться невидимым, таскал для него пирожные с кухни, чем радовал своего маленького хозяина. Разведение фамильяров для нашей растущей семьи стало не забавой, а необходимостью. В этом мире нам нужны были свои защитники.

Глава 2 Железные кони

Александр Оболенский стоял посреди огромного сарая на окраине Сен-Дени и чувствовал себя монументальным идиотом. Сарай — нет, гараж, как с пугающей серьезностью настаивала Светлана — подавлял своими размерами. Высокие потолки, теряющиеся в полумраке, голые кирпичные стены и земляной пол, который накануне засыпали толстым слоем хрустящего гравия. Через широкие, распахнутые настежь ворота лился скупой осенний свет, безжалостно обнажая абсолютную пустоту.

«Парк машин», — горько усмехнулся он про себя, пнув носком сапога серый камешек. Пока что весь этот «парк» состоял из него самого, отставного кавалериста, и смутного, сосущего под ложечкой ощущения, что жена втянула его в очередную, на сей раз поистине дьявольскую, авантюру.

Но слово офицера было дано. И князь Оболенский привык держать его, даже если для этого требовалось пересечь с живого скакуна на громыхающую железную телегу.

Первым делом требовалось добыть самих «коней». Алек-

сандр отправился в сердце Парижа, в автосалон на Елисейских полях. Мир автомобилей 1903 года обрушился на него какофонией звуков и лязгом металла: здесь правили балом не сено и кожаная упряжь, а горячее касторовое масло, едкий бензин и очень большие деньги.

Сверкающие латунию и лаком экипажи без лошадей казались инопланетными механизмами.

«Panhard & Levassor» — титаны дорог. Массивные, с классической компоновкой *Système Panhard* (двигатель спереди, цепной привод на задние колеса). Символ неоспоримого статуса и агрессивной мощи. Александр придиричливо осмотрел модель Type A2 в двенадцать лошадиных сил. Цена заставила его мысленно присвистнуть — за эти деньги можно было вооружить и посадить на коней небольшой эскадрон.

«Renault» — элегантные новаторы. Модель Renault Type K с обтекаемым кузовом «торпедо» и характерным боковым расположением радиаторов выглядела стремительно. Карданный вал вместо лязгающей цепи. Светлана предупреждала: «Бери то, что легче в обслуживании и не требует постоянной смазки открытых узлов».

«De Dion-Bouton» — маленькие, юркие, почти игрушечные коляски с легендарными высокооборотистыми одноцилиндровыми двигателями. Дешёвые в эксплуатации, но на

вид — сущие этажерки.

Александр провёл в салоне три часа. Его вопросы, заданные рубленным военным тоном, вгоняли продавца, месье Жирара, в состояние легкого ступора: «Каков ресурс пневматических шин Michelin на щебне?», «Как быстро закипает вода в радиаторе на затяжном подъеме?», «Какова вероятность обратного удара рукоятки при запуске?».

В итоге стратегия кавалериста взяла верх над сомнениями:

Panhard & Levassor Type A2 (1903) — глубокого чёрного цвета, с кроваво-красной кожей салона и сияющими карбидными фарами. Тяжеловес для представительских целей.

Renault Type K (1902) — цвета берлинской лазури, открытый, с лобовым стеклом. Надежный курьер для ежедневных нужд.

De Dion-Bouton Type Q (1903) — тёмно-зелёный, 6 л.с. — тренировочный снаряд, который не так жалко разбить.

Месье Жирар, вытирая испарину со лба, подсчитал астрономическую сумму.

— Месье Оболенский, осмелюсь предложить услуги нашего лучшего шофёра... — начал он.

— Отставить, — твёрдо прервал его Александр. — Мне потребуется не извозчик. Мне потребуется инструктор.

Инструктор нашелся быстро. Жан-Клод Моро, бывший механик заводской гоночной команды, выглядел как человек, переживший взрыв на мануфактуре. Ему было около сорока, его руки покрывали белесые шрамы от ожогов и въевшаяся в поры графитовая смазка, а взгляд был спокоен той пугающей философичностью, что бывает у саперов и укротителей тигров.

Они встретились в гараже, когда три автомобиля уже стояли в ряд, хищно поблескивая лаком в полутьме.

— Вы когда-нибудь управляли самодвижущимся экипажем, Ваше Сиятельство? — спросил Жан-Клод, поглаживая латунный клаксон «Де Диона».

— Кавалерийским строем. И орудийным расчётом в бою, — сухо ответил Александр. — Это считается?

Жан-Клод криво усмехнулся.

— Считается, что у вас стальные нервы. Это пригодится. У лошади есть инстинкт самосохранения, месье. Она не прыгнет в пропасть. А эта штука, — он хлопнул по капоту, — убьёт вас и не заметит, если вы отдадите ей неверный приказ.

Первый урок начался с «Де Диона». Это оказалось слож-

нее высшей математики.

— Зажигание, — голос Жан-Клода звучал как метроном.
— Устанавливаете опережение рычажком на руле. Слишком рано — искра ударит до того, как поршень поднимется, и пусковая рукоятка сломает вам запястье. Слишком поздно — мотор будет чихать огнем, но не потянет.

— Трансмиссия. Переключать передачи с хрустом — значит убивать шестерни. Исключительно с перегазовкой. Внимательно слушая ритм мотора.

Практика на пустыре за гаражом превратилась в пытку.

— Зажигание на пол-оборота. Берем рукоятку. Не обхватывайте ее большим пальцем! — рывкнул француз. — Если мотор даст обратный ход, останетесь без пальца. Дергайте вверх. Резко!

Одноцилиндровый мотор «Де Диона» кашлянул сизым дымом, выплюнул каплю масла на гравий и забился в истеричной, лихорадочной вибрации, которая передавалась через пол прямо в позвоночник.

— Плавно отпускаем конусное сцепление... Добавляем газ...

Машина дернулась, как ужаленная в круп лошадь, хрустнула шестернями и замертво заглохла.

— Вы вогнали ей шпоры, месье, — вздохнул Жан-Клод.
— А у нее нет боков.

К концу первого дня спина Александра под суконным пиджаком была мокрой, а икры сводило судорогой от тугих педалей. Но когда он смог проехать по кругу, не заглушив мотор, в его глазах вспыхнул тот самый хищный, холодный азарт, с которым он когда-то шел в первую кавалерийскую атаку.

Две недели превратили Оболенского из наездника в механика-водителя. Он перестал пытаться «приказывать» машине. Он научился чувствовать момент сцепления конусов, ощущать жар перегретого масла и слышать нужную тональность двигателя для смены передачи.

На пятнадцатый день они выкатили «Панар».

Двенадцать лошадиных сил. Громадный, рычащий зверь с открытым цепным приводом. Когда Александр сел за тяжелый деревянный руль, он ощутил забытый трепет — то же уважение и липкий холодок страха, что и перед объездкой дикого ахалтекинца.

Их выезд в Париж стал боевым крещением. Дороги за пределами центра были чудовищны: глубокие колеи, булыжники, скользкая весенняя грязь. Машину швыряло, жесткие рессоры выбивали дух, руль рвался из рук с чудовищной силой. Оболенский лавировал между неповоротливыми омнибусами, распугивал сигнальным рожком стайки зевак и обгонял фиакры, оставляя позади клубы сизого дыма.

Ветер бил в лицо, слезил глаза сквозь защитные очки, мотор ревел, как живое существо. На мосту Александра III, вдавив педаль акселератора, он вдруг понял: Светлана была пугающе права. Это грубое, грохочущее, плюющееся маслом железо было неумолимо надвигающимся будущим.

К концу месяца гараж преобразился до неузнаваемости. Здесь появился свой автомир. Александр нанял братьев Пьера и Клода — бывших каретных мастеров, чьи руки быстро привыкли к гаечным ключам вместо рубанков. Вдоль кирпичных стен выстроились верстаки, стеллажи с запасными магнето, свечами зажигания, ряды пузатых канистр с бензином и бочки с густой смазкой. Появился даже новейший ручной насос с мерной колбой.

Вечером, когда братья уже ушли, Александр остался один. Он методично, с почти медитативным спокойствием протирал ветошью латунные масленки «Панара». В воздухе висела тяжелая взвесь из испарений каучука, бензина и остывающего металла.

В полосе света от ворот появилась Светлана.

Она молча обошла «Панар», провела пальцем по идеальному изгибу лакированного крыла.

— Ну как? — спросила она, вглядываясь в его испачканное сажей лицо. — Понравилось?

Александр бросил промасленную ветошь на верстак.

— До одури увлекательно. Иногда — унижительно, когда эта груда металла отказывается заводиться перед толпой зевак. — Он прислонился к капоту, чувствуя спиной его жар. — Это сродни первой атаке.

— А теперь представь, Саша, — Светлана подошла ближе, ее глаза блестели в свете тусклой лампы, — что через десять-двадцать лет таких машин будут тысячи. Они станут быстрее, надежнее. А через тридцать — миллионы. Они изменят войну. Они изменят мир. И лошади станут лишь красивой редкостью для парадов.

Александр медленно поднял руки. В трещины на коже,

привыкшей к шелку поводов и холоду эфеса сабли, намертво въелась черная смазка. Руки кавалериста уходили в прошлое.

— Ты права. Империи рухнут. Будет война, о которой ты говорила... Но это, — он обвел взглядом застывших в темноте стальных чудовищ, — это колесо уже не остановить.

Он подошел к маленькому «Де Диону», задумчиво коснувшись холодной пусковой рукоятки.

— Знаешь, что самое странное? Я до одури скучаю по Горлику. По шелесту сена и теплomu дыханию лошади в конюшне. Но когда я сажусь за этот деревянный руль... я забываю обо всем. Это другая Сила. Бездушная, но абсолютно покорная, если ты знаешь ее законы.

Светлана подошла сзади, обняв его за плечи, прижавшись щекой к его спине.

— Ты научишь меня ездить?

Александр рассмеялся, и эхо его смеха растворилось в кирпичных сводах.

— При условии, что пообещаешь не пытаться шептать ей ласковые слова, как своему мерину. Машина заклинаний не понимает. Ей требуются лишь искра и топливо.

Они стояли в полутьме гаража, среди остывающих машин, которые дышали жаром и наступающим веком. А за толстыми стенами, кутаясь в осенний туман, спал старый французский городок Сен-Дени, еще не подозревая, что в его тихих улочках уже поселилось безжалостное и прекрасное Завтра.

И князь Александр Оболенский — блестящий драгун и коннозаводчик в прошлом — принимал этот новый мир. Как и прежде, он был готов встретить грядущие бури в седле.

Пусть даже отныне это седло было простегано красной кожей и носило клеймо «Panhard & Levassor».

Глава 3 Неприятности

Однако идиллию нашу омрачало растущее любопытство соседей. Жители улицы де ла Легион д'Онёр с завистью замечали богатых посетителей агентства.

Их интерес был понятен — за каких-нибудь два года «Русское сыскное агентство» превратилось в одно из самых заметных частных сыскных предприятий Франции. Для 1905 года наш уровень профессионализма казался почти фантастическим: мы использовали дактилоскопию за десятилетие до её официального принятия французской полицией, применяли методы трассологии, о которых в префектуре только начинали слышать, и располагали лабораторией, где проводились химические анализы, достойные университетской кафедры. К нам обращались не только русские эмигранты — наши клиентами становились французские предприниматели, опасавшиеся промышленного шпионажа, аристократы, желавшие проверить благонадёжность женихов дочерей, и даже несколько членов палаты депутатов, интересовавшихся компроматом на политических оппонентов. В городе, где большинство частных детективов ограничивались слежкой за неверными супругами, наше агентство бралось за дела международного масштаба — от поиска украденных произведений искусства до расследования финансовых махинаций транснациональных компаний. И мы справлялись. Слишком

хорошо справлялись для скромного бюро на окраине Сен-Дени.

Не обошли вниманием и Татьяну Вайс.

Многие мужчины поражались тому, что хозяйка питомника отказывается продавать охотникам всех такс. Которых собственно для этого и вывели.

А местные повитухи и аптекари возненавидели Хельгу, за глаза называя ее ведьмой.

Соседи шептались, строили предположения. Какая-то странная русская община, уж слишком чужая, уж слишком загадочная для провинциального французского быта.

Но куда более опасным было недовольство аббата базилики Сен-Дени. Святой отец заметил нашу общину давно, и с каждым месяцем его подозрения крепили.

В апреле 1905 года, пока наш дом оглашался плачем четырехлетней Дарьи, расстроенной тем, что ей не подарили на день рождения волшебную таксу, как у Кати и Эрика, нас навестил аббат. Его визит был полон едва скрываемого беспокойства.

Он пришёл с целью «ближе познакомиться с паствой», но его острый взгляд наткнулся на православные иконы.

Официально он ничего не сказал, но мы знали — его молчание было опаснее громких обвинений. Аббат начал молиться за нашу душу громче обычного, а его проповеди всё чаще содержали намёки на присутствие зла под видом бла-

гопристойности.

Нам пришлось быть осторожнее, чем когда-либо.

Майским вечером, когда я находилась в своей книжной лавке «Le Petit Parisien», дверь резко распахнулась. На пороге — взволнованные Наташа и барон.

— Нам нужен общий сбор. Немедленно.

Собрались в кабинете Марка среди колб, реторт, первых дактилоскопических карт.

— В Париже происходит нечто странное, — барон разложил фотографии. — За месяц — три ограбления в домах коллекционеров. Почерк один. Воры не берут деньги или драгоценности. Только необычные предметы: вековой череп из Мексики, ритуальную африканскую маску, средневековый гримуар сожженной на костре ведьмы... Полиция в тупике. Никаких следов взлома.

— Как будто их кто-то пустил в дом, но при этом все жильцы утверждают, что никого не видели, — добавил Александр, вспоминая показания свидетелей. — Единственное, что нашли — странные царапины на полу и запах мокрой

шерсти.

Хельга взяла фотографию, нахмурилась: — Я видела такие следы раньше.

Татьяна перебила: — Неделю назад у мадам Дюпон пропала картезианка. Она уверяет, что та растворилась в воздухе. А Эрик сказал, что Джери весь вечер вчера рычал на пустой угол в саду.

— Если только Макс нагрешил, — хихикнула Хельга.

— Вообще-то он кастрирован, — начала я, но тут же осеклась. Чуть не ляпнула, что когда мы переместились, он стал моложе на восемь лет, и возможно его достоинство вернулось на место. Но тогда у нас проблема — вокруг будут каждый сезон рождаться Максимовичи.

— Чем нам это может грозить?

Молчание повисло над столом. Мы смотрели друг на друга, осознавая масштаб потенциальной катастрофы.

— Не в каждом помёте новой подружки Чарли рождаются фамильяры — они появляются редко, должно пройти время, чтобы определить, обладает ли тот или иной щенок магическими способностями, — напомнила Таня.

— Может быть, — задумалась я.

Обычная кошка — пусть даже картезианская — способна к воспроизводству обычных котят. А вот с помощью магии Макса... это будет совсем другая история.

— Нам нужно найти этого кота, — решительно сказала Наталья. — И быстро.

— Надо допросить Макса, — предложил Александр.

— Ага, так он тебе и сознается, — усомнилась я.

Атмосфера наэлектризовалась. Но проблемы только начинались.

— Царапины слишком большие... это каким должен быть кот, — посмотрела я на фото.

Хельга подняла голову, глаза сузились: — У нас в Каллахии такие следы оставляли шугарры. Их используют для проникновения в ваш мир. Но они не могут существовать здесь без магии, а значит будут быстро терять жизненные силы.

— Каллахия — это финская деревня? — уставился на жену Пекка.

— Не совсем — это другой мир. Я и Орочен переместились оттуда, — Хельге пришлось рассказать правду. — Он старый колдун, душа которого может вселяться в человеческие тела. Поэтому мы и не можем так долго его поймать. Последний раз он вселился в Еганова.

Пекка резко встал, подошёл к окну, отвернулся. Его плечи были напряжены.

— Пекка? — позвала Хельга.

Он не обернулся. — Твой мир заберёт тебя обратно?

Комната замерла. Мы с подругами переглянулись — мы-то об этом даже не думали.

Хельга встала, подошла к мужу, положила руку ему на плечо. — Я не уйду.

— А если не будет выбора? — он обернулся, и в его глазах была настоящая боль. — Ты же сказала — наш мир не поддерживает магию. Ты тратишь силы. А если тебе придется вернуться, чтобы выжить?

Вопрос повис в воздухе, странно, почему он раньше не приходил нам на ум.

Наши мужья почуяв неладное, тут же напряглись.

Я посмотрела на Александра. Он сидел, сцепив руки, суставы побелели. Его взгляд был прикован ко мне, и в нём читался тот же немой вопрос: «А ты?»

Марк сжал руку Татьяны так сильно, что она вздрогнула. — Таня... ты тоже из другого мира?

Татьяна помотала головой. — Нет, что ты.

Барон Медякин медленно выдохнул, провёл рукой по лицу. — Наташа... а ты? Откуда ты на самом деле?

— Мы с подругами родились и выросли в Вятке, — отве-

тила она за всех, и даже не соврала. Разве что название города скрыла. В наше время Вятка была Кировом.

— Но вы знали про Хельгу и помогали ей ловить колдуна?

Мы трое закивали соглашаясь.

— Значит старый знакомый напоминает о себе, — заметил барон, нервно теребя ус.

На удивление, наши мужчины не впали в депрессию от неожиданных новостей. Но мы почувствовали, что дома нас ждёт разбор полётов.

— Нужно действовать методично, — сказал барон. — Я постараюсь получить доступ к делам в участке. Марк, проанализируй царапины. Надо убедиться, что это когти животного. Хельга, опиши, как выглядят эти шугарры.

— Я лучше покажу, — сказала она и поставила чайник на огонь.

Марк нервно вздохнул и подавился собственной слюной. Таня постучала его по спине. Оболенский и Медякин молчали.

Как только вода закипела, Хельга убрала крышку, и вырвавшийся пар создал образ животного.

— Похож на саблезубого тигра, — выдала Таня, уже не боясь обвинений в лишнем знании.

— Откуда ты знаешь как выглядит смилодон? — заикался Марк.

— Прочитала в палеонтологическом журнале исследования учёных о древних животных, которые вымерли, но населяли Землю в давние времена.

Саша с Сергеем переглянулись, а я продолжила.

— Я займусь оккультными кругами как Софи Руссо, меня приглашают в салоны. Если кто-то из гостей салона коллекционирует артефакты, он там появится.

— Я проверю аптеки, — добавила Хельга. — Для питания таких существ нужны особые компоненты.

Татьяна задумчиво молчала, но вдруг вспомнила. — Чарли сегодня утром принёс мне это. — Она достала из кармана клочок ткани. — Нашёл в саду.

На тёмной шерсти — вышитый символ, переплетение кругов и треугольников.

— Это... — Хельга протянула руку и взяла ткань чтобы рассмотреть. — Символ Порога. В Каллахии им обозначали места, где границы между мирами истончаются.

— Значит, кто-то ищет пороги здесь? — удивился Александр. — Зачем?

— Чтобы призывать магических существ из Каллахии? — предположила Таня.

Мы замолчали, осознавая масштаб.

— Или Орочен ищет способ вернуться домой, — сказала я, ломая молчание.

— Поэтому ворует оккультные предметы — думает, они имеют силу, — заключила Наташа.

Я посмотрела на Чарли у ног Татьяны, на Лока на спинке кресла Наташи. Фамильяры молчали. Макса нигде не было видно, но с этим пройдохой я дома разберусь.

— С завтрашнего дня ищем Еганова, — решил барон. — Но осторожно.

Разошлись по домам. Сон не шёл. Я стояла у окна, глядя на тёмные улицы Сен-Дени. Париж спал, не подозревая масштаба бедствий, свалившегося на него.

Макс запрыгнул на подоконник, сообщил ментально: «Чужих следов в нашем квартале нет».

— Хорошо. Но будь начеку. И постарайся больше не размножаться, — почесала я Макса за ушком.

«Вот еще, я не потерплю в своем доме таксу», — фыркнул кот.

— В своем? — усмехнулась я, а потом возразила. — Даша подрастает, ей нужен фамилляр.

«Вот и будет у Даши кот-фамилляр», — настоял Макс.

— И где котенок, которого вы с картезианкой сотворили?

«В нашем сарае вместе с кошкой пока, я его обучу, тогда и подарите его Дашеньке».

— И много у тебя таких бастардов бегают по округе?

«Нет нужды переживать о моем потомстве, остальные не получили мою силу».

Вздыхнула.

«Бежали из России, надеясь на покой. Но покой, видимо, нам только снится.»

Вечерний Париж встретил нас шумом и суетой.

Я отправилась в салон мадам де Вержи — влиятельной фигуры в оккультных кругах. Как Софи Руссо, я была желанной гостьей. Мои романы о «других мирах» сделали меня знаменитостью среди любителей мистики.

Салон в старинном особняке на Риволи выглядел мрачно-вато. Тёмные тона: бархатные вишнёвые портьеры, темная мебель, полки, ломящиеся от фолиантов. Запах приторных благовоний.

— Дорогая Софи! — мадам де Вержи, лет пятидесяти, с пронзительным взглядом, седыми волосами в сложной причёске, протянула обе руки. — Как я рада вас видеть! Все говорят о вашем романе «Ясновидящая», а описанные там события совпадают с поразительной точностью — все эти безумия в России...

Улыбнулась, делая вид, что принимаю за комплимент: — При чем тут Россия? Это же другой мир, дорогая мадам, созданный лишь моим воображением. Но скажите, не слышали ли вы о недавних кражах? Говорят, пропадают необычные

предметы.

Лицо мадам де Вержи стало серьёзным. Оглянувшись, убедившись, что никто не подслушивает, понизила голос: — Между нами, ходят слухи, в Париже появился новый вор. Он не интересуется деньгами или драгоценностями. Его интересуют артефакты силы.

— Артефакты силы? — сделала я наивное лицо.

— Предметы, обладающие особыми свойствами. Те, что созданы в иные времена или в иных местах.

— И кто же он?

Мадам де Вержи пожала плечами: — Никто не знает.

В салон вошёл новый гость — высокий, худощавый мужчина в безупречном костюме. Лицо бледное, почти восковое. Глаза бледно-голубого оттенка.

— А, месье Лефевр! — оживилась хозяйка. — Позвольте представить — мадемуазель Софи Руссо. Софи, это месье Арман Лефевр, один из наших самых... эрудированных гостей.

Лефевр поклонился, движения мягкие. — Мадемуазель

Руссо, это честь познакомиться с вами. Ваши произведения весьма познавательны.

Его взгляд скользнул по мне. Лёгкий холодок по спине — не страх, как будто провели льдинкой по коже.

— Вы интересуетесь оккультизмом, месье Лефевр? — старалась я сохранять лёгкий тон.

— Я интересуюсь... границами. Между возможным и невозможным.

Разговоры вокруг продолжались, но я почти не слышала слов. Всё внимание — к Лефевру. Что-то не так. Слишком странная речь, слишком пытался выговаривать слова.

Когда уходила, мадам де Вержи проводила меня до двери. — Будьте осторожны, дорогая. Париж прекрасен, но в его тени скрывается опасность.

Вышла на улицу. Александр ждал в машине. — Ну что?

— Есть кое-кто интересный. Месье Арман Лефевр. Может, Орочен переселился из Еганова в него? Но не факт. Этот Арман очень странный.

В другом конце Парижа Хельга обходила аптеки. Её визиты выглядели как обычные закупки эликсиров для своих снадобий, но она искала следы необычных заказов.

В аптеке на Монмартре пожилой аптекарь, услышав вопрос о редких грибах для шаманских практик, нахмурился: — Вы не первая, кто спрашивает на этой неделе. Какой-то господин заказывал целую партию паутинника красивейшего. Говорил, для научных экспериментов.

— Можете описать заказчика?

— Высокий, худой... что-то в речи странное.

Хельга поблагодарила, вышла. Описание совпадало с Лефевром. Совпадение? Вряд ли. Может, они с Егановым заодно?

Тем временем в кабинете префекта полиции на острове Сите происходила встреча, которая могла бы удивить многих. Барон Сергей Медякин сидел напротив префекта Луи Лепина — человека, чьё имя уже становилось легендой в по-

лицейских кругах Парижа.

Кабинет был обставлен сдержанно: дубовый стол, покрытый зелёным сукном, книжные шкафы с юридическими фолиантами, портрет президента Лубе на стене. За окном виднелись башни Нотр-Дама.

— Месье Лепин, — начал барон, аккуратно положив перед собой визитную карточку с тиснёным названием агентства. — Благодарю за встречу.

Префект, мужчина лет пятидесяти с острым взглядом и аккуратно подстриженными усами, изучал гостя. Русский барон — частный детектив с безупречной репутацией. В Париже таких немного.

— Барон Медякин, — кивнул Лепин. — Ваше письмо заинтересовало меня. Вы спрашиваете о «серии необычных краж». Но в полиции Парижа каждый день происходят кражи. Что делает эти — особенными?

— Способ совершения, месье префект. — Барон достал из портфеля несколько фотографий, разложил их на столе. — Три ограбления за месяц. Дома коллекционеров оккультных предметов. Ни следов взлома, ни отпечатков. Только... царапины на полу. И запах.

Лепин взял одну из фотографий, прищурился. — Запах? Какой?

— Мокрой шерсти.

— Все так. Но вам это зачем?

— Меня наняли пострадавшие. Вор собирает... необычные артефакты.

— Артефакты? — Лепин усмехнулся, но без насмешки. Скорее с профессиональным интересом. — Вы верите в магию, барон?

— Я верю в факты, месье префект. А факты таковы: кто-то систематически выносит из Парижа предметы, которые не имеют большой материальной ценности для нас, но... — он сделал паузу, — они имеют ценность для коллекционеров.

Лепин молчал минуту, глядя в окно. Потом резко повернулся к барону. — У меня есть проблема, барон. Эти кражи... они не вписываются в обычную криминальную статистику. Газеты ещё не знают, но если узнают... — он махнул рукой. — Париж и так полон сумасшедших, верящих в спиритизм и оккультизм. Последнее, что мне нужно — паника

из-за «призрачных воров».

— Понимаю

— Не думаю, что полностью. — Лепин встал, прошёлся по кабинету. — Видите ли, барон, я руковожу полицией Парижа с 1893 года. Более десяти лет. Я ввёл дактилоскопию, реорганизовал сыск, боролся с анархистами. Но это... — он указал на фотографии, — это что-то новое. И я не люблю новое, когда не понимаю его правил.

Он остановился перед бароном. — Вы частный детектив. У вас нет официальных полномочий. Но у вас есть... гибкость. И, судя по вашей репутации, мозги.

— Вы предлагаете сотрудничество?

— Я предлагаю сделку, — поправил Лепин. — Вы помогаете мне понять, что происходит. Я даю вам доступ к отчётам. Неофициально. Без упоминания вашего имени в документах.

Барон медленно кивнул. — Условия?

— Вы докладываете лично мне. Никаких утечек в прессу. Если найдёте виновных — передаёте их полиции. И... — Лепин посмотрел на барона пристально, — если это окажется чем-то... выходящим за рамки обычного преступления,

вы предупредите меня первым. Я не хочу, чтобы мои агенты столкнулись с чем-то, к чему не готовы.

— Справедливо

Лепин вернулся к столу, открыл нижний ящик, достал папку с синей обложкой. — Отчёты по всем трём кражам. Фотографии, описания, показания свидетелей. — Он положил папку перед бароном. — Берите. На два дня. Потом вернёте.

Барон открыл папку. Первая же страница привлекла его внимание: описание странных царапин на паркете. И примечание на полях, сделанное чьей-то нервной рукой: «Похожи на когти крупного животного. Но экспертиза не определила вид».

— Есть ещё одна деталь, — сказал Лепин, наблюдая, как барон изучает документы. — Мы не знаем, что это за животное.

— Смилодон

— Помилуйте, барон. — Префект сел, сложил руки на столе. — Они давно вымерли.

Барон закрыл папку и не стал спорить с префектом. — Я сделаю всё возможное.

— Я надеюсь. — Лепин встал, протянул руку. — Два дня,

барон. И помните — тихо. Париж не должен знать, что в его тени происходит что-то... странное.

— Париж всегда знает больше, чем кажется, месье префект. Но я буду тих.

Барон вышел из префектуры, папка с отчётами была аккуратно спрятана в его портфеле. На ступенях он остановился, глядя на Сену, серевшую в предвечернем свете.

Картина вырисовывалась странная, тревожная, не укладывающаяся в обычные рамки. Но теперь у него были не только подозрения, но и доказательства.

Он посмотрел на часы. Совещание у них назначено через два часа. Пора возвращаться в Сен-Дени. Пора показывать остальным то, что он добыл, и готовиться к ..., к тому, что пугало даже такого человека, как префект полиции Парижа.

— Все кражи совершены в домах, где проводились спиритические сеансы или хранились оккультные коллекции, — докладывал он на вечернем совещании. — Полиция считает, что это работа одной банды, но есть детали, которые не сходятся.

— Например? — спросила Наташа.

— На месте одной из краж, а точнее в музее, нашли вот это. — Барон положил на стол маленький кристалл тёмно-фиолетового цвета. — Полиция приняла за обломок украшения. Но я показал Хельге...

Все взгляды — к Хельге.

— Это осколок ключа. В Каллахии такие использовались для стабилизации порталов. Кто-то проник в этот мир. И ещё наш мир можно покинуть только на животном. Меня перенёс Феоклист и он использовал такой же точно кристалл.

— Кто-то перенёсся сюда на смилодоне? — спросил Пекка, впервые нарушив молчание. — Не вижу в этом смысла, если наш мир не поддерживает магию.

— Это так, поэтому Орочен сменил уже несколько тел. Но в наш мир колдун в человеческом теле не сможет вернуться.

— Может, он смог призвать кого-то из вашего мира, чтобы затем переселиться в его тело? — предположила Таня.

Глава 4 Тени Парижа

Молчание в кабинете Марка затянулось, как парижский туман над Сеной. Мы сидели, глядя на фиолетовый кристалл, лежавший на столе. Осколок ключа. Осколок чужого мира, занесённый в наш, как заноза в плоть.

— Значит, он собирается бежать, — наконец сказал Сергей Медякин.

— Ему нужен кристалл чтобы открыть портал, — добавила Хельга. — Он ищет дверь между мирами. Но для этого нужна не только магия. Нужна точка соприкосновения. Место, где границы уже тонки.

— В Париже такие есть? — спросил Александр.

— В каждом городе есть такие места, где слишком много страданий. Париж стар, а молитвы сильны. В нём много слёз пролито. А скоро сюда эмигрируют дворяне из России. Революция многих родовитых заставит бежать. И жизнь их будет не сладкой, — напомнила я. — Слез будет много.

Наташа взяла кристалл, повертела его на свету. — Значит, мы ищем не просто вора. Это или Орочен, или его сообщник.

— Который не совсем человек, если он из Каллахии, — мрачно заметил барон. — Сколько ещё нужно деталей?

Хельга пожала плечами. — В Каллахии полный ключ состоял из одного целого кристалла, но этот сломан. Не знаю сколько ещё частей от него откололось.

— Значит, у нас есть время, — сказала я, но в голосе не было уверенности.

Мы разошлись поздно. Париж за окнами уже погрузился в ночь, но его огни горели, как всегда — ярко, насмешливо, не подозревая о тени, ползущей по его древним камням.

На следующий день я снова отправилась в салон мадам де Вержи. На этот раз — с конкретной целью. Мне нужно было узнать больше о Лефевре. И, если повезёт, о его местонахождении.

Салон был полон. Шум голосов, смех, звон фарфора раздавался в месте, где собирались люди, уверенные в своей исключительности.

Мадам де Вержи встретила меня у входа. — Дорогая Софи! Я так рада, что вы снова с нами. Месье Лефевр спрашивал о вас.

— Правда? — сделала я удивлённое лицо. — Чем же я заслужила такое внимание?

— О, он большой поклонник вашего творчества. Говорит, вы пишете о вещах, которые... близки ему.

«Близки», — подумала я. Интересное слово.

Лефевр стоял у камина, беседуя с кем-то из гостей. Увидев меня, он прервал разговор и направился ко мне.

— Мадемуазель Руссо. Я надеялся увидеть вас сегодня.

— Месье Лефевр. Вы слишком любезны.

— Нет, это вы любезны, что уделяете время таким, как мы. — Он сделал широкий жест, включая в «нас» весь салон. — Людям, которые ищут не только развлечений, но и истины.

— Истины? — я подняла бровь. — Какая истина может быть в вымысле?

— А кто сказал, что это вымысел? — его глаза блеснули.

«Черт, он что мысли читает, как он узнал, что я пишу в книгах правду, или просто догадался», — я насторожилась.

Но мы продолжили разговор о книгах, о природе и я немного успокоилась.

Лефевр был блестящим собеседником — эрудированным, остроумным, с лёгкостью переходящим от одной темы к другой. Но за всем этим чувствовалась натянутость. Как будто он играет роль. Играет блестяще, но всё же играет.

— Вы часто бываете в Париже? — спросила я в какой-то момент.

— Я... путешественник, — ответил он после лёгкой паузы. — Мир велик, и в нём много мест, достойных внимания.

— А ваша родина? Откуда вы?

Ещё пауза, чуть длиннее. — У меня нет родины в обычном смысле.

«Уж не Каллахия ли эта родина», — подумала я про себя.

Когда я собиралась уходить, Лефевр неожиданно сказал: — Мадемуазель Руссо, я слышал, вы интересуетесь необычными артефактами.

Я замерла. — Откуда такие слухи?

— О, в Париже все всё знают. Особенно о таких знаменитостях, как вы. — Он улыбнулся, но улыбка не дошла до глаз. — Если вам действительно интересно, я мог бы кое-что показать. У меня есть коллекция.

— Коллекция?

— Предметы, которые не каждый оценит. Но вы, я думаю, оцените.

Сердце забилось чаще. Ловушка? Или возможность?

— Я была бы польщена, — сказала я осторожно.

— Тогда завтра. Вечером. Я пришлю за вами экипаж.

Он поклонился и отошёл, растворившись в толпе гостей.

Я вышла на улицу, где меня ждали Александр и Ахмед. Отец настоял, чтобы он переехал со мной.

— Всё в порядке, госпожа? — спросил он, помогая мне

забраться в машину.

— Пока да, — ответила я. — Но завтра вечером мне понадобится сопровождение. Неявное.

Ахмед кивнул. — Будет сделано.

Тем временем Хельга продолжала обход аптек. И в Латинском квартале ей повезло.

Аптекарь, молодой человек в очках, услышав её вопрос о редких компонентах, оживился.

— Да, был такой господин. Заказывал очень странную смесь. Сказал, для алхимических опытов.

— Можете вспомнить, что именно?

— Порошок лунного камня, корень мандрагоры, пепел феникса... — он усмехнулся. — Я, конечно, дал ему то, что мог. Лунный камень — это просто селенит, корень лопуха есть у любого травника, а пепел феникса... Ну, я дал ему пепел от папоротника. Но он, кажется, был доволен.

— Он говорил, для чего ему это?

Аптекарь пожал плечами. — Странный тип. Но платил хорошо.

Хельга поблагодарила его и вышла.

Когда она вернулась домой, Пекка ждал её с новостями.

— Я был в полиции, — сказал он без предисловий. — С бароном. Мы вернули префекту отчёты. Он торопит.

Хельга замерла. Задумалась. Время, когда границы между мирами становятся тоньше. Время силы для тех, кто умеет ею пользоваться.

— Когда следующее полнолуние? — спросила она.

— Через три дня.

Они посмотрели друг на друга. Три дня. Мало времени. Но, возможно, достаточно, чтобы подготовиться.

Вечером мы снова собрались все вместе. Новости от Хель-

ги

добавили картине ясности.

— Значит, он действует по лунному циклу, — сказала Наташа, делая заметки в блокноте. — Он попробует переместиться в свой мир — через три дня. Но где?

— Нужно составить список мест, где недавно произошли глобальные несчастья, — предложил барон. — И поставить за ними наблюдение.

— Слишком много мест, — возразил Александр. — Париж велик. И мы не знаем, куда именно он поедет.

— Но мы знаем, кто может знать, — сказала я. Все взгляды обратились ко мне. — Лефевр. Он пригласил меня завтра посмотреть свою коллекцию.

— Это ловушка, — сразу сказал Александр.

— Возможно. Но это также возможность. Если он действительно связан с Ороченом, мы его поймем.

— Я пойду с тобой, — настаивал Александр.

— Нет. Он пригласил только меня. Если ты пойдёшь, это

его спугнёт.

— Тогда Ахмед будет рядом.

— Ахмед будет рядом, — согласилась я. — Но не явно.

Мы обсудили план. Ахмед и ещё двое наших людей будут дежурить рядом с домом Лефевра. У меня с собой будет полицейский свисток — чтобы подать сигнал. И, конечно, Макс. Спрячу его в сумке.

— Будь осторожна, — сказала Хельга, когда мы расходились. — Этот может быть очень опасно.

— Я знаю, — ответила я. — Но иногда, чтобы поймать змею, нужно подойти к ней достаточно близко.

Ночь была тёплой, звёздной. Париж сиял внизу, как рассыпанное по бархату ожерелье. Красивый, древний, полный тайн.

Завтра вечером я встречу с Лефевром. И узнаю, кто он на самом деле — просто чудака-коллекционер или нечто большее.

Макс запрыгнул на подоконник, прижался к моей руке.

«Будет опасно», — прозвучало у меня в голове.

— Я знаю, — прошептала я. — Но другого выхода нет. Нам давно стоило поймать Орочена.

Город спал. А мы готовились к встрече с колдуном, я посмотрела на подвеску, в которой была спрятана ловушка для души Орочена.

Глава 5 Манускрипт

Тени в Национальной библиотеке Парижа казались особенными. Орочен, вынужденный теперь носить чужое имя Игната Еганова, бесшумно скользил между стеллажами. Его пальцы касались разохшихся корешков фолиантов с почти религиозным трепетом.

Он искал путь домой уже неделю. Перебирал путанные трактаты по алхимии, гримуары средневековых ведьм, путевые заметки безумцев, якобы посещавших «иные земли». Большинство из них оказывалось пустышкой — обрывками фантазий и метафор, которые невежды принимали за реальность. Но он продолжал искать. И наконец нашел.

Книга ждала его не в общем зале, а в отделе редких рукописей, куда Орочен проник благодаря искусно поддельным рекомендательным письмам. Небольшой фолиант в потертом кожаном переплете. На корешке — ни единого слова, только одинокая, вытисненная золотом руна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.